

шительное отрицание «мерзостей» российской действительности, что четко проявилось в ее письмах и дневниках, широко цитируемых в книге. Именно эти принципы мать старалась привить своему сыну, наряду с трепетным и «святым» отношением к писательскому призванию.

Книга Ю. Оклянского интересна еще и тем, что в ней большое внимание уделяется личностям «героев», своеобразию их характеров, причем это не заслоняет общественно значительного в них. Здесь автор далеко отходит от вульгаризаторских трактовок «живых объектов», которые еще, к сожалению, встречаются в некоторых литературоведческих исследованиях, воссоздающих «предмет исследования» лишь как схематичных «носителей» и «представителей». В «Шумном захолустье» мы видим Александру Бостром женщиной незаурядной и яркой, глубокой и сильной индивидуальностью. Именно такая

мать и смогла раньше других увидеть в своем сыне будущего писателя.

Однако при всех очевидных достоинствах «Шумное захолустье» подчас грешит тем, что можно назвать склонностью к констатирующим обобщениям — к таким выводам, которые, собственно, никуда не ведут. Да, хутор, изображенный в «Детстве Никиты», это все же не реальная Сосновка, где жил Алеша Толстой... Да, есть некоторые совпадения в произведениях матери и сына, но сын все же пишет лучше... Да, это так. А что же дальше?

Автор «Шумного захолустья», конечно, не литературовед-теоретик, да на такую роль он, по-видимому, и не претендует. Он заявил о себе как литературовед-искатель, умело воссоздавший неизвестные или забытые страницы как «малой», так и «большой» истории литературы.

3. ФИНИЦКАЯ

СЛОВАРИ ПИСАТЕЛЕЙ

В последние годы оживилась разработка проблем, связанных с изучением литературы на местах, что не могло не отразиться и на состоянии краеведческой литературной библиографии, которая пополнилась рядом значительных работ¹. Широкое распространение получает тип библиографического словаря. Эту тенденцию подтверждает и библиографическая практика последних двух лет².

¹ Обзор основных краеведческих библиографий дан в кн.: Н. Ф. Бельчиков, Пути и навыки литературоведческого труда, «Наука», М. 1965, стр. 112—116.

² За это время были изданы лишь четыре персональных указателя: «Савва Елизарович Кожевников», Новосибирск, 1964; «Народный поэт Карелии Ялмари Виртанен», Петрозаводск, 1964; «Алим Пшемахович Кешоков», Нальчик, 1964; «В. Т. Чисталев», Сыктывкар, 1964.

В 1964—1965 годах изданы библиографические словари и указатели: «Калининские писатели», «Писатели Ленинграда», «Чувашские писатели», «Писатели Среднего Урала», «Писатели Кабардино-Балкарии», «Краеведы и литераторы Забайкалья», «Писатели Адыгеи»¹.

¹ «Калининские писатели. Библиографический справочник». Сост. Н. А. Фадеева, Калинин, 1964, 187 стр.

«Писатели Ленинграда. Библиографический указатель». Сост. В. М. Абрамкин и А. Н. Лурье, Лениздат, Л. 1964, 364 стр.

«Чувашские писатели. Библиографический справочник». Сост. М. И. Юрьев, Чебоксары, 1964, 326 стр.

«Писатели Среднего Урала. Библиографический справочник. Сост. В. Т. Анашкина, Свердловск, 1965, 202 стр.

«Писатели Кабардино-Балкарии. Библиографический указатель». Сост. Е. С. Темботова, А. Г. Созаева, Т. Б. Нагаева, Нальчик, 1965, 135 стр.

Петряев Е. Д., Краеведы и литера-

Признавая большое значение библиографических словарей писателей областей, краев и автономных республик как части литературной библиографии в целом, а также перспективность этого типа библиографии, необходимо остановиться на вопросе о составе таких словарей. Как показывает анализ изданий 1964—1965 годов, в решении этого вопроса наблюдается установившаяся ранее, неверная, на наш взгляд, тенденция неоправданного сужения круга имен писателей, включаемых в словарь. Состав словаря определяется на основе формального признака принадлежности писателя к местному отделению Союза писателей в данное время, включая недавно выбывших. По такому принципу составлены словари: «Писатели Ленинграда», «Писатели Среднего Урала», «Писатели Адыгеи».

Отсутствуют имена многих писателей в словарях: «Калининские писатели», «Писатели Кабардино-Балкарии». На наш взгляд, это неверно.

Задачи библиографического словаря не могут и не должны ограничиваться функциями справочника местного отделения Союза писателей. Словарь должен дать сведения не только о членах местной литературной организации, работающих в настоящее время, но и о всех писателях края или национальной литературы, чье творчество является определенным вкладом в литературу края или представляет исторический интерес для краеведов-исследователей, преподавателей, студентов.

Критерием для включения в словарь литераторов края должна быть творческая связь писателя с литера-

турной жизнью края вне зависимости от того, является ли он местным писателем или какой-то определенный период его литературной деятельности связан с данным краем. Только в таком случае материал словаря даст подлинное представление о литературе края. Конечно, при этом нельзя не учитывать степень участия писателя в местной литературной жизни. Вряд ли следовало включать в словарь «Краеведы и литераторы Забайкалья», например, имена Н. Матвеева, Г. Петрова, Н. Михайловского, ведь их вклад в литературную жизнь края ограничивается заметками по каким-то частным вопросам местной жизни. Аналогичное положение с именами И. Пущина, М. Кюхельбекера, включенных в словарь на том только основании, что в их письмах из Сибири содержатся сведения о Забайкалье.

В библиографический указатель «Писатели Ленинграда» составители включили, например, имена А. Амстердама, А. Бобовича, В. Вальдмана, Э. Бородиной-Морозовой, Н. Грюнберг, В. Давиденковой, П. Карп, М. Карелиной и других, сведения о которых ограничиваются лишь биографической справкой, а библиография отсутствует, в то время как для библиографического словаря характерным является сочетание биографической справки и библиографических материалов.

Представляется неоправданным отказ от включения в словари критиков и литературоведов, активно занимающихся разработкой вопросов, связанных с литературным процессом края («Писатели Среднего Урала», «Писатели Кабардино-Балкарии»). Несомненную ценность для интересующихся литературной жизнью края представляют материалы по истории местной литератур-

торы Забайкалья. Материалы для библиографического словаря, ч. I, «Дореволюционный период», Иркутск — Чита, 1965, 87 стр.

ной жизни. Но в библиографической практике отражению этих материалов в словарях не придается значения за

редким исключением (например, «Калининские писатели»).

А. ТУРОВСКАЯ

г. Ленинград

ЖИВО, АРГУМЕНТИРОВАННО*

Причину «недоступности» некоторых литературно-критических исследований широкому кругу читателей подчас видят в том, что они пишутся сухим, казенным языком. Но суть вопроса не столько в форме изложения, сколько в глубине, самобытности и богатстве эстетического анализа, который отражает своеобразие мышления критика, его творческий облик и характер.

Рассматривая с этой точки зрения книгу узбекского литературоведа М. Қошчанова «Мастерство Айбека», можно сказать, что она органически сочетает в себе конкретный эстетический анализ с общетеоретическими рассуждениями. Автор стремится проникнуть в мир образов Айбека, раскрыть основу его творческих удач, показать, как формировался и утверждался его талант, какими художественными средствами автор широко известных романов «Священная кровь» и «Навои» достигает органического единства идейности и художественности. Вместе с тем критик обращает внимание и на то, что Айбек иногда идет не от жизни, а от схемы, от надуманных идей, что сказывается кое-где в романе «Ветер золотой долины» (1950). В этом произведении «доброе намерение автора возвеличить советского человека как защитника свободы и справедливости, борца за прогресс, строителя

коммунистического общества полностью не реализовалось, так как внимание писателя было направлено на иллюстрацию общественно важной и актуальной борьбы героев, а не на показ самих людей в этой борьбе».

Выяснить, как писатель осмысливает и художественно осваивает действительность, тенденции ее развития — вот главный принцип подхода критика к исследуемому материалу. К сожалению, временами он отступает от этого принципа.

В первой главе М. Қошчанов утверждает, что впервые Айбек по-настоящему проявил силу своего таланта в поэме «Мечь» (1933), где создан правдивый образ романтически настроенного бунтаря, который, не примирившись со злом и жестокостью, ведет беспощадную борьбу против богачей и мстит им за свою разбитую любовь (его возлюбленную хотя и насильно выдать замуж за сына богача, и она кончает самоубийством), за бедных, обездоленных людей. Айбек в своей поэме с симпатией рисует этих героев, хотя с современной точки зрения мировоззрение их, конечно, ограничено. Могло ли быть иначе в условиях феодального деспотизма? И все же М. Қошчанов ставит в вину поэту то, что «он не показал, как герой, этот бунтарь стал сознательным революционером». В одном месте (стр. 3—4) исследователь пишет, что главные действующие лица романов «Ветер золотой долины» и «Солнце не по-

* М. Қошчанов, Мастерство Айбека, Ташкент, 1965, 355 стр. (на узбекском языке).